

5. Фурменкова, Т. В. Средства реализации принципа вежливости в американском варианте современного английского языка : На примере речевых актов обращения, просьбы, приветствия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Фурменкова ; Калининградский гос. ун-т. – Москва, 2005. – 25 с.
6. Taylor, P. *The Collected Stories* / P. Taylor. – N. Y. : Penguin Books, 1986. – 535 p.
7. Taylor, P. *A Summons to Memphis* / P. Taylor. – N. Y. : Ballantine Books, 1986. – 233 p.
8. Wilson, Ch. R. *Manners* / Ch. R. Wilson // *Encyclopedia of Southern Culture* / ed. by Ch. R. Wilson, W. R. Ferris. – Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 1989. – P. 634–636.

I.K. Kudriavtseva
Minsk State Linguistic University
e-mail: irina.kudriavtseva@gmail.com

Politeness as a Component of Interpersonal Communication in the Fiction of Peter Taylor

Key words: politeness, interpersonal communication, ethical category, southern school of American literature, Peter Taylor.

The article deals with the specificity of politeness as a feature of interpersonal communication, an ethical category and an element of social semiotics in the fiction of the American writer Peter Taylor. Consideration is given to the problem of a superficial understanding of politeness as speech etiquette and normative behavior, which leads to a psychological distancing of communicants and creates falseness in human relations.

Е.В. Кузнечик
Полоцкий государственный университет
e-mail: e.kuznechik@psu.by

УДК 821.112.2

ЕДА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОРТРЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ

Ключевые слова: тема еды, образ хлеба, эстетика хлеба, образ еды, символика хлеба, мотив жизни, мотив травмы.

Рассматривается образ еды как средства создания национального портрета в произведениях Г. Бёлля. Отмечается, что еда в прозе автора является частью бытописания. Эстетика хлеба занимает особое место в проблемном поле писателя. Образ хлеба используется Бёллем для реализации ряда повторяющихся мотивов в произведениях, опубликованных в разные периоды жизни и творчества писателя.

В эпоху глобализации особое значение приобретают знания о культурно-специфическом, национальном аспекте. Поиск и изображение граней национальной идентичности были и являются одними из актуальных направлений немецкой послевоенной литературы. Обращаясь к теме национального самосознания, немецкие писатели не обходят стороной кризисные моменты политического и социально-экономического развития страны, связанные, прежде всего, с периодом национал-социализма. Свою позицию в этом отношении высказывал и Генрих Бёлль (*Heinrich Böll*, 1917–1985) – один из самых ярких представителей послевоенной литературы Германии, писатель, произведения которого нашли отклик не только у немецкого читателя, но и у читателей всего мира. Так, например, во «Франкфуртских лекциях» (*Frankfurter Vorlesungen*, 1966) Бёлль дает оценку своей стране и народу, анализирует причины, обусловившие приход фашизма, и отмечает, что «в изображении национальных особенностей между крайностями смешного и благородного, похоже, нет места для просто человеческого. <...> Немцам, например, чужое всегда представлялось явно более интересным: свою дверь они находят с трудом» [1, с.82]. Тематика произведений Бёлля не теряет своей актуальности для современного немецкого общества. Например, обозреватель газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» А. Платтхаус в статье, посвященной 100-летию со дня рождения писателя, приводит слова немецкого литературного критика и публициста Марселя Райх-Раницкого: «То, о чем говорит Бёлль, поражало и поражает его современников в самое сердце» (*Was Böll erzählt, traf und trifft die deutsche Gegenwart mitten ins Herz*) (Перевод наш – Е.К.) [2].

В своих произведениях Бёлль рассматривает бытописание немецкой жизни как один из основополагающих элементов национальной идентичности. Т.Л. Мотылева отмечает: «Характерная особенность писательской манеры Бёлля – особое пристальное внимание к деталям, частностям, к тем микроэлементам действительности, в которых единичное, неповторимое пересекается с историческим, общезначимым» [3, с. 456]. Бытописание у Бёлля несет аллегорический подтекст, в котором объектом парабол выступают вещи. М.Л. Рудницкий указывает на то, что «функции вещей в прозе Бёлля вообще очень значительны <...>. <...> вещи служат как бы опознавательными знаками: ими жизнь проверяется на ложность и подлинность» [4, с. 300].

Неоспоримо, что естественной и каждодневной составляющей быта является еда. Тема еды в литературе имеет символический подтекст. Свое начало она берет в библейских сюжетах: например, притча о пяти хлебах и двух рыбах, которыми Христос накормил пять тысяч человек, яблоко как символ искушения и грехопадения Адама. Тема еды присутствует в устном народном творчестве: в поговорках (Работа кормит, а лень портит (*Arbeit bringt Brot, Faulenzen Hungersnot*), Свой хлеб слаще чужого калача (*Besser eigenes Brot als fremder Braten*), В беде всякий хлеб вкусен (*In der Not schmeckt jedes Brot*), в фольклоре (пряничный домик из сказки «Гензель и Гретель» (*Hänsel und Gretel*), сказка «Сладкая каша» (*Der süße Brei*), сказка «Божественная пища» (*Gottes Speise*). Тему еды и приема пищи затрагивали в своем творчестве А. Штифтер (описание ритуала совместной трапезы в романе «Бабье лето», (*Der Nachsommer*, 1857), Т. Манн (описание трапез в пятой и шестой части романа «Будденброки. История гибели одного семейства» (*Buddenbrooks. Verfall einer Familie*, 1900). Г.Бёлль отводит трапезам особое место в своем творчестве и публицистике. По замечанию И.Б. Роднянской, «символы вкушения пищи и застолья, совместной трапезы связаны у Бёлля с религиозной символикой "причастия" <...>» [5, с. 349]. По наблюдениям самого писателя, «трапезы в послевоенной литературе – это всегда бутерброды на бегу; затяжные и утомительно-церемонные сидения за столом кажутся сейчас чем-то бесконечно далеким, жутковато-гротескным, доступным лишь сатирическому изображению» [1, с. 87]. Именно в гротескном ключе представлена долгая трапеза главного героя Андреаса на фоне протекающей войны в повести «Поезд пришел вовремя» (*Der Zug war pünktlich*, 1949). Обильное количество блюд, поданных согласно всем правилам приема пищи в мирное время, контрастирует с мыслью главного героя о скорой и неминуемой смерти.

Очень часто действие в произведениях Бёлля протекает в закусочных и сосисочных. Атмосфера таких мест, которую описывает автор, точно передает внутреннее состояние героев, посещающих эти заведения. Скучность меню и небольшие порции, трапеза, лишенная какого-либо ритуала, воссоздают безрадостную во всех отношениях жизнь человека, находящегося на грани отчаяния. Так, героиня романа «И не сказал ни единого слова» (*Und sagte kein einziges Wort*, 1953) Кэте Богнер восклицает, обращаясь к мужу: «<...> вся наша жизнь, с тех пор как мы вместе, проходила в сосисочных, закусочных, в паршивых пивнушках, в третьеразрядных гостиницах, на ярмарках и в этом грязном домишке, в котором мы живем вот уже восемь лет» [6, с. 379].

В романе «Дом без хозяина» (*Haus ohne Hüter*, 1954) еда выступает средством реализации мотива психологической травмы. Голодное детство и нищета повлияли на психическое состояние бабушки Гольштегге. Страх перед голодом она сохраняет и в дни, когда нужды в деньгах уже не испытывает. Об этом свидетельствуют многочисленные рассказы ее внука Мартина, как, что и в каких количествах любит поесть бабушка: «Она любила тяжелую и обильную пищу, любила жирные супы – коричневатые, вязкие <...>. Она заказывала огромные куски жаркого, обнюхивала их, ножом и вилкой проверяла их мягкость и бесцеремонно отправляла обратно, если мясо не соответствовало ее вкусу. Затем шли пять различных салатов, которые она сама совершенствовала путем длительных манипуляций с приправами <...>. <...> мясные блюда она завершала бараньей отбивной, мягкой, с кровью – она разрезала ее, глотала большими кусками, расхваливая нежность мяса» [7, с. 127, 129]. Все детские воспоминания бабушки Мартина сводились к плохому питанию в детстве: «<...> бабушка рассказывала о приторно сладком вкусе вареной свеклы, о горечи подгоревших супов из снятого молока, подробно описывала салат из крапивы, кислый черный хлеб, который она ела ребенком» [7, с. 128]. Мотив психологической травмы, связанной с едой, присутствует и в более позднем романе Бёлля «Глазами клоуна» (*Ansichten eines Clowns*, 1963). Клоун Ганс Шнир, главный герой произведения, в беседе со своим состоятельным отцом, построившим виллу для своей любовницы, сетует на то, что в детстве дома ему «никогда не давали досыта пожрать» [8, с. 525].

В романах Бёлля еда, являясь атрибутом материального мира, указывает на социальное положение в обществе героев произведения. По качеству и разнообразию трапез определяется благосостояние людей. Например, в семье Мартина картофель в пищу не употребляли. Его бабушка называла картофель «мучнистой отравой, пруссаческим хлебом и разными непонятными бранными кличками на диалекте ее детства» [7, с.128]. Зато Генрих, школьный товарищ Мартина, каждый день варил картофель на ужин. Рацион питания его семьи был скуден. Некоторые продукты, как например, яйца, являлись недоступными для большинства немецких семей: «У людей по утрам на столе стоял большой кофейник, маргарин, хлеб и повидло, и все ели вместе, и для всех готовили бутерброды и давали их с собой в школу, на службу, на заводы, а яйца там ели редко» [7, с. 143]. В романе «Под конвоем заботы» (*Die fürsorgliche Belagerung*, 1979), повествующем о жизни главы крупной издательской фирмы, автор через воспоминания главного героя о еде подчеркивает прямую взаимосвязь между разнообразием употребляемых блюд и отношением к определенным слоям населения. Являясь выходцем из низших слоев общества по происхождению, но став представителем высшего слоя общества, главный герой вспоминает о знакомом ему с детства вкусе молочного супа, который «ни в войну, ни после ему так и не довелось воскресить» [9, с. 96].

Особое место в литературном творчестве Бёлля отводится эстетике хлеба. Хлеб для писателя – это элемент реальности, «знак не только братства, но и мира, и даже свободы» [1, с. 87]. Этому продукту писатель посвятил два отдельных произведения, вдохновившись рассказом Вольфганга Борхерта «Хлеб» (*Das Brot*, 1946). Символика хлеба у Бёлля представлена широко. Через отношение к понятию «хлеб» автор изображает нравственные устои общества, наличие достатка либо его отсутствия в материальной и духовной жизни человека. Так, в рассказе «Вкус хлеба» (*Der Geschmack des Brotes*, 1955) Бёлль, описывая процесс поедания главным героем этого продукта, рисует психологический портрет человека в непростое послевоенное время, где царит безработица и голод. «Он отломил горбушку; подбородок его дрожал, он чувствовал, как дергаются у него губы, как сводит челюсти. Наконец он впился зубами в мякиш неровного разлома и начал жевать. Он ел хлеб. Хлеб был старый. Недельной, наверно, выпечки, черствый серый хлеб <...>. Он все глубже вонзал зубы в мякиш, пока не добрался до поджаристой, словно бы кожаной корки, потом схватил ковригу обеими руками и отломил новый кусок; правой рукой он подносил ломоть ко рту, а левой прижимал к себе ковригу; <...> каждый следующий ломоть он принимался есть с мякиша, ощущая прикосновение хлеба к лицу, его суховатую ласку, меж тем как зубы продолжали делать свое дело» [10, с. 589–590].

В повести «Хлеб ранних лет» (*Das Brot der frühen Jahre*, 1955) Бёлль использует образ хлеба для реализации мотива жизни. Пытаясь прокормить себя в первые послевоенные годы, главный герой произведения Вальтер Фендрих «воровал у отца книги, чтобы купить себе хлеба, книги, которые он (отец – Е.К.) всю жизнь собирал, ради которых он голодал в студенческие годы; книги, за которые он в свое время платил ценой двадцати буханок хлеба <...>» [11, с.353]. Как утверждает И.Б. Роднянская, «эстетика хлеба» как общего источника жизни, единящего людей, действительно сопутствует всему творчеству Бёлля; ее соотносимость с символом "причастия" очевидна. Однако не менее важна другая ее сторона – связанная с "ценами на хлеб", с чаянием социально-имущественной справедливости. <...> "Превращение" хлеба из источника жизни в источник разъединения и ненависти, та опасность, которую несет с собой (если воспользоваться выражением М. Цветаевой) "голод голодных и сытость сытых"» [5, с.350]. Мотив травмы главного героя, присутствующий в произведении, раскрывается благодаря хлебу и его неотступному спутнику – голоду. Вальтер Фендрих, будучи успешным и высокооплачиваемым мастером по ремонту стиральных машин, не может забыть годы голодного детства даже в дни своей финансовой стабильности. Подвергаясь страху голода, он покупает хлеб всюду, «где он выставлен в витрине, свежий, теплый, благоуханный, – сперва две самых красивых буханки в одной булочной, потом еще одну в следующей, и много-много булочек, золотистых, с поджаристой хрустящей корочкой <...>» [11, с. 292]. О том, насколько глубоко психологически травмирован Вальтер, можно судить по его отношению к своему работодателю Виквеберу. Главный герой открыто заявляет: «В первые дни он мне просто не нравился, но два месяца спустя я уже люто его ненавидел из-за одних только запахов, что доносились с его кухни, оттуда пахло яствами, которых я в жизни не едал: домашними пирогами, тушеным мясом, поджаристым салом, а этот зверюга-голод, поселившийся у меня в кишках, подобных запахов просто не выносил <...>, и я начинал ненавидеть Виквебера пуще прежнего, ведь сам-то я ехал по утрам на работу, прихватив с собой только два ломтя хлеба, склеенных красным повидлом <...>» [11, с. 293–294]. Для Бёлля, как и для героя его произведения, хлеб и отношение к нему являются мерилем нравственности человека. Правила жизни, диктуемые голодом, вытесняют из человека человеческое, освобождая место звериному. Чувство голода превращало Вальтера в «волка», и тогда он «шел на черный рынок, покупал большую, на килограмм, а то и на полтора, буханку, свежую, только что из пекарни, и, устроившись поблизости на скамейке или где-нибудь в развалинах, разламывал хлеб пополам и ел, грязными пальцами впиваясь в податливый мякиш и запихивая в рот кусок за куском; иногда хлеб почти дышал, внутри был еще совсем теплый, и мгновениями [ему] чудилось, будто в руках у [него] живое существо <...>» [11, с. 295].

Мотив отношения к хлебу как показатель нравственных устоев общества присутствует в романе «Групповой портрет с дамой» (*Gruppenbild mit Dame*, 1971). Поруганная и гонимая соседями за связь с мужчинами других национальностей главная героиня произведения Лени Груйтен остается верна своим жизненным взглядам и принципам как во время войны, так и после ее окончания. Индивидуальность Лени на фоне обездушенного общества в дни «экономического чуда» подчеркнута автором нетипичным атрибутом сытой и упорядоченной жизни – отношением к хлебу. «Главное значение для Лени имеют свежие булочки (то есть хлеб – Е.К.), которые она, отказавшись от доставки на дом, выбирает собственноручно – естественно, не трогая их руками и оценивая лишь по виду. <...> И вот ради булочек, а также потому, что завтрак – ее главная трапеза, она и отправляется каждое утро в гущу людей, мирясь с оскорблениями, обидными выкриками и грубыми ругательствами в свой адрес» [12, с. 167].

Уделяя особое внимание в своем творчестве эстетике еды и, в частности, хлеба, Бёлль рисует национальный портрет человека в разные периоды существования немецкого государства. Образ хлеба в прозе писателя олицетворяет устои человеческого бытия. Автор подчеркивает особую ценность

именно хлеба, а не других продуктов, что связано в первую очередь с его широкой символикой: хлеб – это сакральная пища, а также символ духовной жизни народа, символ материальности и достатка.

Еда у Бёлля выступает не только средством создания национального портрета, но и средством реализации ряда повторяющихся мотивов: мотива психологической травмы, мотива жизни, мотива отношения к хлебу. Описание долгих трапез представлено в гротескном ключе (трапеза Андреаса в повести «Поезд пришел вовремя», трапеза бабушки Гольштегге в романе «Дом без хозяина»).

Литература

1. Бёлль, Г. Каждый день умирает частица свободы / Г. Бёлль // Сост. Е.А. Кацева; пер.с нем. – М: Прогресс, 1989. – 366 с.
2. Platthaus, A. Mitten ins Herz // Frankfurter Allgemeine Zeitung [Elektronische Ressource]. – 23.02.2020. – Zugriffsmodus:https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/heinrich-boell-zum-100-geburtstag-des-schriftstellers-15342997.html. – Freigabedatum: 21.12.2017.
3. Бёлль, Г. Самовольная отлучка: Романы, повести / Г. Бёлль // Дом без хозяина, пер. с нем. – Мн.: Маст. лит., 1989. – 464 с.
4. Рудницкий, М.Л. Генрих Бёлль / М.Л. Рудницкий// История литературы ФРГ; под ред. И.М. Фрадкина. – М.: Наука, 1980. – С. 295–325.
5. Роднянская, И.Б. Примечания к «Франкфуртским чтениям» Г. Бёлля / И.Б. Роднянская // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – С. 338-351.
6. Бёлль, Г. И не сказал ни единого слова / Г. Бёлль // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1989. – Т.1 – с.289 – 426.
7. Бёлль, Г. Дом без хозяина / Г. Бёлль // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т.2 – с.7 – 280.
8. Бёлль, Г. Глазами клоуна / Г. Бёлль // Избранное, пер. с нем. – М.: Радуга, 1988. – с. 421 – 580.
9. Бёлль, Г. Под конвоем заботы / Г. Бёлль // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1996. – Т.5 – с.87 – 358.
10. Бёлль, Г. Вкус хлеба / Г. Бёлль // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т.2 – с.588 – 590.
11. Бёлль, Г. Хлеб ранних лет / Г. Бёлль // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т.2 – с.283 – 366.
12. Бёлль, Г. Групповой портрет с дамой / Г. Бёлль // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1996. – Т.4 – с.163 – 568.

E.V. Kusnechik

Polotsk State University
e-mail: e.kusnechik@psu.by

The image of food as the way to create a national portrait in works by H. Böll

Keywords: food subject, bread image, food image, symbolism of bread, motif of life, motif of trauma.

Food image is considered as the way to create a national portrait in works by H. Böll. It is observed that the food in works by the author is part of everyday life. Aesthetics of bread has a special place in the problem field of the writer. Böll used the image of bread to realize a number of repeating motifs in works published in different periods of writer's life and work.

И.М. Куликова

Сургутский государственный университет
e-mail: kim0153@mail.ru

УДК 882+130.2

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ П. БАХЛЫКОВА И В. РАСПУТИНА

Ключевые слова: В.Г. Распутин, П.С. Бахлыков, человек и природа, Мировое дерево, мифологема «река», мифологема «лес».

В статье дан сопоставительный анализ решения проблемы взаимоотношений человека и природы в творчестве крупного прозаика XX в. В.Г. Распутин и непрофессионального писателя П.С. Бахлыкова. Основное внимание сосредоточено на онтологическом аспекте проблемы взаимосвязи и соразмерности мира природы и бытия человека. Автор статьи выделяет художественные средства раскрытия нравственно-философского понимания проблемы.

Философское осмысление взаимоотношений людского сообщества и природы, утверждение нравственных основ в отношении к природному миру, призыв к его защите – характерная особенность прозы 70-80-х годов XX века. Она нашла воплощение в творчестве лучших писателей России – В. Распутин, В. Астафьева, В. Белова, С. Залыгина и др. В ряду писателей, доминантной чертой творчества которых была тема природы, находился югорский писатель П. Бахлыков (Западная Сибирь), чей роман «Медвежья падь» не получил известности на фоне литературных шедевров времени. Несмотря на роль П. Бахлыкова в качестве этнографа и художника в культурном пространстве региона, его произведение, по сути, осталось вне поля исследования специалистов. Выявление специфики и значимости романа представляется возможным при его сопоставлении с текстами крупных писателей, чье мастерство оказало влияние на литературные опыты П. Бахлыкова. Среди них следует назвать С. Залыгина, в «здоровом, твёрдом и честном авторитете» которого, по утверждению В. Астафьева, нуждались в те годы писатели-«деревенщики» [1, с. 24], и В. Распутин, с творчеством которого (прежде всего с повестью «Прощание с Матерой») будет идти сопоставление в данной статье.